

Г. И. Фокин

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. gfoikin@eu.spb.ru
ORCID 0009-0008-2448-1511

ГЕНЕЗИС ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НОВГОРОДОМ И ПСКОВОМ

В статье анализируются взаимоотношения Новгорода и Пскова в XIV в. Показано, что возникновение договорных отношений связано с ростом политической субъектности Пскова в 1320-е гг. Впервые заключение мира Новгорода с Псковом прямо упоминается в летописях в 1329 г., а в 1331 г. – новгородско-псковское крестоцелование. Долгое время отношения оставались неформализованными и не требовали оформления договоров в письменном виде. Необходимость заключения договоров возникла в условиях прямой конфронтации между Новгородом и Псковом в конце XIV в., когда в 1390 г. был заключен первый известный новгородско-псковский договор.

Ключевые слова: Великий Новгород, Псков, летописи, грамоты, политическая история

Известно, что Псков и Новгород неоднократно обменивались посольствами, целовали друг другу крест и заключали мир. Тем не менее никаких новгородско-псковских договорных грамот не сохранилось, и лишь некоторые их фрагменты дошли в составе летописных известий. Эти обстоятельства приводят к тому, что разговор о новгородско-псковских договорных отношениях обычно приобретает чисто гипотетический характер.

Проблема генезиса договорных отношений между Новгородом и Псковом не становилась предметом специального исследования вплоть до конца XX в. В историографии Псков долгое время понимался в качестве «пригорода»¹ Новгорода, который фактически отделился от своего «старшего брата» уже в XII в., а «официально» обрел независимость в результате заключения так называемого «Болотовского договора» в 1348 г. [Толстой, с. 4, 8; Беляев, с. 258; Никитский, с. 108; Пресняков, с. 288; Кафенгауз, с. 3; Тараканова, с. 19; Тихомиров, с. 388]. Этому «договору» придавалось исключительное значение, так как считалось, что именно он завершил длительный процесс достижения Псковом политической «независимости» от Новгорода: после заключения «Болотовского договора» новгородско-псковские отношения становились равными и договорными.

Интерес к истории новгородско-псковских отношений усилился с 1970-х гг., когда Г. В. Проскурякова и И. К. Лабутина впервые подвергли критике общепринятую датировку «Болотовского договора», предложив 1337 г.² в качестве верхней границы заключения этого «договора» [Проскурякова, Лабутина, с. 35]. Попытки же найти более ранний новгородско-псковский договор начались вскоре после опубликованной в 1975 г. статьи С. И. Колотиловой, в которой исследовательница обратила внимание на то, что в источниках Псков никогда не назывался «пригородом» Новгорода [Колотилова, с. 147].

Перестав быть «пригородом», Псков обрел в глазах исследователей дополнительную политическую субъектность, которая теперь должна была проявиться в существовании не дошедших до нас новгородско-псковских докончаний. В 1992 г. В. Л. Янин предположил, что

¹ Обозначение Пскова в качестве новгородского «пригорода» вошло в историографию во второй половине XIX в., по-видимому, благодаря работам М. В. Толстого. Такие авторы, как Н. С. Ильинский, Н. М. Карамзин и Е. А. Болховитинов, еще не называли Псков «пригородом».

² Хотя время заключения «Болотовского договора» до сих пор остается предметом дискуссий [Петрова 2020], вероятно, стоит согласиться с мнением Г. Пикхан о невозможности его точной датировки [Pickhan, S. 180].

«Болотовский договор» опирался на некий «традиционный формуляр» новгородско-псковских договоров, который сложился уже в первой половине XII в. В связи с примирением Пскова и Новгорода после возникшего конфликта, вызванного принятием в 1137 г. псковичами изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича [Янин 1992, с. 12]. Позднее А. В. Валеров назвал гипотезу В. Л. Янина «конструктивной», добавив, что первый предполагаемый новгородско-псковский договор «был заключен, несомненно, на равных условиях» [Валеров, с. 124]. Гипотезы эти, однако, не получили развития в историографии. Высказывались и критические замечания. В частности, по мнению А. А. Вовина, аргументация В. Л. Янина «представляется недостаточной», чтобы предполагать существование новгородско-псковских договоров XII–XIII вв. [Вовин, с. 91]. Кроме того, сами известия Новгородской I летописи старшего извода (далее – НПЛ ст.) не содержат прямых указаний на заключение каких-либо новгородско-псковских договоров в это время. В летописи сказано под 1137 г., что у Новгорода «не бе мира съ ними» (то есть с псковичами), а под 1138 г. сообщается, как новгородцы «съ пльсковици съмиришася» [ПСРЛ, т. 3, с. 25]. Упоминаемые здесь слова *миръ* и производное от него *съмиритися* скорее указывают на нарушение и затем достижение состояния политического покоя и единства [СДРЯ, т. 4, с. 542–543], а не на отсутствие письменного мирного договора и его последующее заключение. Таким образом, процесс становления договорных отношений между Псковом и Новгородом до сих пор не прояснен.

Впервые заключение мира между Новгородом и Псковом прямо упоминается в первой половине XIV в. Известия об этом читаются в НПЛ ст. и Новгородской I летописи младшего извода (далее – НПЛ мл.), в летописях Новгородско-Софийской группы (далее – НСГ)³, а также в псковских летописях. Известия эти связаны с деятельностью бывшего тверского и великого князя Александра Михайловича, который после антиордынского восстания в Твери 1327 г. пытался укрыться в Новгороде, но, получив отказ новгородцев, отправился в Псков [ПСРЛ, т. 3, с. 98]⁴, где пробыл до 1329 г., когда был вынужден уехать в Литву из-за псковского военного похода московского князя Ивана Даниловича (Калиты), требовавшего выдачи Александра Михайловича в Орду, и наложенного митрополитом Феогностом на псковичей церковного interdикта [ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 17; т. 42, с. 88].

Походу Ивана Даниловича предшествовали безуспешные попытки договориться с находившимся в Пскове бывшим великим князем об отъезде в Орду. В 1328 г. в Псков на переговоры отправились новгородский архиепископ Моисей и тысяцкий Авраам, а также послы ставшего теперь уже великим князем Ивана Даниловича, но Александр Михайлович никого «не послуша» [ПСРЛ, т. 3, с. 98; т. 4, ч. 1, с. 262]. Отправка посольства говорит о том, что ни новгородцы, ни великий князь не могли просто так навязать свою волю Пскову по вопросу о выдаче Александра, с которым псковичей связывало взаимное крестное целование⁵.

В 1329 г., вслед за неудачными переговорами 1328 г., был организован масштабный военный поход Ивана Даниловича «со всѣми князи и с Новымьгородомъ» на Псков. Согласно версии НПЛ ст., псковичи, только заметив войска Ивана Даниловича, сразу же «выпроводиша князя Олександра от себе» [ПСРЛ, т. 3, с. 98]. Однако псковские летописи и НСГ излагают

³ Речь идет о текстуально связанных друг с другом летописях: Софийской I, Новгородской Карамзинской (двух ее выборках) и Новгородской IV летописи (далее – Н4Л). В данной статье аббревиатура НСГ используется в случае, если между текстами указанных летописей нет принципиальных разночтений, которые оговариваются отдельно при необходимости.

⁴ Наиболее пространный рассказ об этих событиях содержится в Тверском сборнике и Рогожском летописце [ПСРЛ, т. 15, стб. 42–44, 415–417].

⁵ в связи с этими событиями в псковских летописях встречается первое упоминание участия псковичей в клятвенном целовании креста. Взаимность крестоцелования между князем и псковичами подчеркивается приводимыми в П1 и П3 словами Александра, будто бы произнесенными им перед вынужденным отъездом из Пскова в 1329 г.: «не буди вашего целования на мнѣ, ни моего на васъ» [ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 17; т. 5, вып. 2, с. 91].

события иначе. Рассказ Псковской 1-й (далее – П1) и 3-й (далее – П3) летописей⁶, охватывающий события 1327–1329 гг., помещен под 6835 г. и не имеет годовой разбивки, в отличие от варианта, читающегося в НСГ и охватывающего статьи 6835–6838 гг.⁷ Согласно НСГ, П1 и П3, Иван Данилович перед походом на Псков прибыл с войском в Новгород, откуда к Александру Михайловичу были отправлены великокняжеские и новгородские послы. Очередные переговоры снова не принесли желаемого результата. После этого Иван Данилович не только направил войска на Псков, но и «намолви» митрополита Феогноста, из-за чего тот наложил «проклятие и отлучение» на Александра и «на весь Псковъ» [ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 17; т. 5, вып. 2, с. 91; т. 6, вып. 1, стб. 403–404; т. 4, ч. 1, с. 263; т. 42, с. 125]. Интердикт и приближающееся московско-новгородское войско вынудили Александра Михайловича сложить свое крестоцелование и удалиться в Литву, а псковичей – отправить послов в Опoki для заключения мира с Иваном Даниловичем и новгородцами.

Несмотря на неоднократные упоминания в известиях о переговорах новгородских послов и новгородского архиепископа, псковские летописи и Софийская I летопись прямо не сообщают об участии новгородцев в заключении мира в качестве контрагентов. В псковских летописях роль новгородцев ограничивается совместным благословением псковичей новгородским владыкой Моисеем и митрополитом Феогностом. Тем не менее, согласно НПЛ ст., псковичи «къ князю Ивану и к новгородцѣмъ прислаша послы с поклономъ въ Опoku, и докончаша миръ» [ПСРЛ, т. 3, с. 98]⁸. О том, что новгородцы все-таки участвовали в заключении мира, говорит и то, что возвращение Александра Михайловича в 1331 г. на псковское княжение из «литовьскыя руки» было воспринято новгородскими летописцами как то, что псковичи «измѣнилѣ крестъное цѣлование к Новуграду» [ПСРЛ, т. 3, с. 343–344]. Упомянутое здесь впервые новгородско-псковское крестное целование вероятнее всего связано именно с миром 1329 г., который был заключен при непосредственном участии митрополита Феогноста и новгородского архиепископа Моисея.

Условия, на которых был заключен мир в 1329 г., неизвестны⁹. Согласно псковским летописям, «миръ вѣчныи» был заключен «по старинѣ по отчинѣ и по дѣдинѣ» [ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 17]. Что именно стоит за впервые упомянутой в псковских летописях новгородско-псковской «стариной», неясно. Однако этим, как и упоминанием того, что новгородский владыка Моисей благословил «Шологу посадника и весь Псковъ», в псковских летописях подчеркивается весьма высокий договорный статус псковичей. Иная трактовка событий читается в НПЛ ст., согласно которой псковские послы прибыли в Опoki к Ивану Даниловичу и новгородцам с «поклоном»¹⁰. Тем не менее можно утверждать, что заключение трехстороннего мира между новгородцами, великим князем и псковичами говорит о существенно возросшей политической

⁶ в П2, вместо пространных рассказов П1, П3 и НСГ, помещены две краткие статьи под 6835 и 6838 гг., которые практически не имеют общих чтений с другими псковскими летописями и текстами НСГ [ПСРЛ, т. 5, вып. 2, с. 23].

⁷ По мнению Г.-Ю. Грабмюллера, вариант П1 и П3 лучше отражает протограф этого известия, поскольку псковский рассказ изначально был задуман как связанное повествование, которое затем было сокращено и расшито по годам в НСГ [Grabmüller, S. 155]. По мнению Я. С. Лурье, здесь в НСГ читается «по тенденциям псковское изложение», восходящее к псковскому летописанию [Лурье, с. 100, 103].

⁸ Об участии новгородцев в заключении мира вслед за НПЛ сообщают также Н4Л [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 263] и вторая выборка Новгородской Карамзинской летописи [ПСРЛ, т. 42, с. 125].

⁹ В. А. Янин предполагал, что именно этот мир следует отождествлять с пресловутым «Болотовским договором». Исследователь обнаружил под Опoками деревню Волоотово, с которой «идентифицируется Болотово летописного текста» [Янин 1992, с. 5].

¹⁰ Примечательны своего рода попытки снизить договорный статус псковичей, предпринятые позднее летописцами НСГ. В известиях НСГ о заключении мира читается схожий с НПЛ ст. текст, однако слово *поклонъ* заменено на *челобитие*, а выражение *докончати миръ* – на *смирнитися* (ср.: [ПСРЛ, т. 3, с. 98–99; т. 4, ч. 1, с. 263; т. 6, вып. 1, стб. 404]). В то же время в П2 заключение мира вовсе не упоминается, а говорится лишь о том, что «князь великий отдаде псковичемъ вины» [ПСРЛ, т. 5, вып. 2, с. 23].

субъектности псковичей, а также о важном этапе институционализации псковско-новгородских отношений.

Этот мир завершил период нарушенного политического единства между Псковом и Новгородом, начавшийся с приглашения псковичами литовского князя Давыда Гродненского в 1322 г.¹¹, союзника великого литовского князя Гедимина. В псковских летописях приезд Давыда связывается с нападением немцев на псковские земли осенью 1322 г. и с необходимостью получения военной помощи [ПСРА, т. 5, вып. 1, с. 15]. Статус Давыда в Пскове при этом остается дискуссионным. С одной стороны, в литературе можно встретить утверждения о подчинении Пскова власти великого литовского князя в это время [Pickhan, S. 161–162], основанные на тексте ливонско-литовского договора от 2 октября 1323 г. [Chartularium Lithuaniae, p. 76–83], где Псков («Plessekowe») ошибочно назван вместо Полоцка в числе владений Гедимина [Chartularium Lithuaniae, p. 333]. С другой стороны, в одном из рижских посланий Гедимину от 29 ноября 1322 г. Давыд прямо назван «псковским королем» («*rex Plescowie*») и «особым другом» («*amicus specialis*») Гедимина [Chartularium Lithuaniae, p. 44]. Так или иначе, принятие псковичами князя из Литвы поставило Новгород с Псковом на грань войны. Об этом свидетельствует ливонский экземпляр союзного договора, заключенного в 1323 г. между Новгородом и Ливонским отделением Тевтонского ордена, в котором среди прочего оговаривается условие совместно вести войну против псковичей до тех пор, пока они не отступятся от литовцев и «не подчинятся новгородцам» («*bet se den Nougarderen vnderdanich worden*») [ГВНП 2025, с. 69]. Хотя датировка договора¹² и некоторые изложенные в нем условия требуют отдельного рассмотрения¹³, очевидно, что в это время случилось серьезное сближение Новгорода с Орденом, а Пскова – с Литвой. Несмотря на то что дело до новгородско-псковской войны не дошло, стоит согласиться со словами И. П. Шаскольского о том, что новгородско-ливонский договор «показывает, какой остроты достигли к 1323 г. отношения Новгорода со Псковом» [Шаскольский, с. 88]. По мнению С. Роуэлла, Давыд при регулярном участии в литовско-немецких конфликтах оставался псковским князем вплоть до своей кончины в 1326 г., когда по пути из Бранденбурга он был убит польским рыцарем [Rowell, p. 237].

Приглашение литовского князя осложняло отношения Пскова не только с Новгородом, но и с великими князьями, которые еще в начале XIV в. вместе с новгородцами могли отправлять в Псков своих наместников [ГВНП 2025, с. 225; Столярова, с. 187, 209; Кучкин 1974, с. 380]. После приглашения Давыда присутствие в Пскове великокняжеских наместников не только неизвестно, но и маловероятно. Характерно, что случившееся немногим позже (1341 г.) приглашение Ольгерда с Кейстутом в Псков для оказания военной помощи было воспринято новгородскими летописцами как действие, враждебное по отношению не только к новгородцам, но и к великому князю: «*предашася плесковици Литвѣ, отвергъшеся Новаграда и великаго князя*» [ПСРА, т. 3, с. 354].

¹¹ Если датировка С. Роуэлла послания городского совета Риги Гедимину 29 ноября 1322 г. верна, то Давыд был псковским князем уже в ноябре 1322 г. (см.: [Chartularium Lithuaniae, p. 395]). Однако об участии псковичей в литовских походах в Ливонию в 1322 г. ничего неизвестно. Прямо об этом говорится в немецких источниках только в известиях за 1323 г. [SRP, S. 284].

¹² Число и месяц заключения договора неоднократно становились предметом дискуссии в литературе. В зависимости от понимания того, что означает упомянутый в грамоте «Христов день» («*Kerstes dage*»), предлагались самые разные датировки: 28 января (Ф. Г. фон Бунге, К. Е. Напьерский), 25 февраля (В. Л. Янин, Н. А. Казакова, А. В. Валеров), 29 апреля (Н. А. Петрова), 23 декабря (К. Е. Напьерский, О. Ставенхаген, К. Хельбаум, С. Роуэлл, А. Селарт) 1323 г. (см.: [LECUB, S. 54; PAA, с. 33; HUB, S. 174; ARLS, S. 17; Казакова, с. 63; Янин 1990, с. 87–88; Rowell, p. 215; Селарт, с. 177; Валеров, с. 234; Петрова 2022, с. 69]). В первом издании ГВНП грамота датировалась 28 января 1323 г. [ГВНП 1949, с. 65], в новом – 23 декабря 1323 г. [ГВНП 2025, с. 68].

¹³ А. Селарт, в частности, оспаривал правку издателей ГВНП [ГВНП 1949, с. 66], заменивших дважды упомянутого в договоре «новгородского князя» («*Nougarden koningh*») на «псковского князя» как ошибочное [Селарт, с. 177–179]. В новом издании текст исправлен таким же образом [ГВНП 2025, с. 68].

Трехсторонний мир 1329 г. был призван восстановить нарушенные политические связи Пскова с великим князем и Новгородом. Вместе с тем он отразил повышение политического статуса Пскова и стал важным этапом становления псковской политической субъектности и новгородско-псковских договорных отношений. О росте политического самосознания псковичей говорит также зарождение в 1310-е гг. в Пскове собственного летописания, известия которого уже с 1323 г. «принимают характер весьма пространныго рассказа» [Насонов, с. 38–39].

Вместе с тем мир 1329 г. совершенно не обязательно сопровождался заключением письменного договора. Достижение мира вполне могло ограничиться взаимным крестоцелованием. Представляется, что отношения Новгорода и Пскова в это время не были столь формализованы и находились на сравнительно раннем этапе институционализации для того, чтобы возникла необходимость оформления письменного договора. Об этом говорят, в частности, известия псковских и новгородских летописей о новгородско-псковском примирении после отъезда Ольгерда и Кейстута из Пскова в 1342 г. Приглашение литовских князей в Псков в псковских летописях объясняется отсутствием военной помощи со стороны Новгорода. В НПЛ мл., как говорилось выше, действия псковичей однозначно осуждаются, однако о примирении не говорится ни слова: завершение известия НПЛ мл. ограничивается словами о крещении и вокняжении в Пскове сына Ольгерда Андрея. О примирении сообщается в псковских летописях и в текстуально связанном с ними варианте НСГ [ПСРА, т. 6, вып. 1, стб. 417; т. 4, ч. 1, с. 274; т. 42, с. 127].

Наиболее пространный вариант рассказа, охватывающий 1341–1342 гг., помещен в П1 и П3, тогда как рассказ НСГ отредактирован в соответствии с новгородской версией событий [Grabmüller, S. 156–157], изложенной в статье НПЛ мл. за 6850 г., (хотя он и содержит дополнительные чтения по отношению как к псковским летописям, так и к НПЛ мл.). Известия псковских летописей и НСГ о примирении имеют некоторые примечательные различия:

П3 [ПСРА, т. 5, вып. 2, с. 96–97]	Н4А [ПСРА, т. 4, ч. 1, с. 274]
«И псковичи видѣша, оже помочи имъ нѣтъ ни от коа страны, и положыше упование на святую великую Троицу и на Всеволодову молитву и на Тимофееву» ¹⁴ ,	«И видѣвше плесковици, что помочи имъ нѣту отъ Литвы, и положиша упование на Бога и святую Богородицю и на Всеволожу молитву и на Тимофееву»,
«и смиришася с Новымъгородом» ¹⁵ .	«и добиша челомъ Новугороду, и смиришася».

О примирении с Новгородом в варианте П3 говорится после слов об отъезде Ольгерда и об отсутствии как новгородской, так и литовской помощи («помочи имъ нѣтъ ни от коа страны»), тогда как в НСГ подчеркивается отсутствие помощи именно со стороны Литвы («помощи имъ нету отъ Литвы»), в то время как новгородцы вовсе не упоминаются. Слово *смиришася* в известиях НСГ, касающихся псковско-новгородских отношений, упоминается трижды (6646, 6837, 6850 гг.) и именно в тех случаях, когда псковичи приглашали себе князей вопреки воле новгородцев. Упоминание в НСГ *челобития* призвано подчеркнуть неравный статус псковичей и новгородцев в момент примирения, выступая в значении *прошения* и *извинения*¹⁶. Тем не менее разрыва псковичей с Литвой после примирения с Новгородом не последовало: Андрей Ольгердович оставался псковским князем вплоть до 1349 г. [ПСРА, т. 5, вып. 1, с. 20].

¹⁴ Отсутствует в П2.

¹⁵ Отсутствует в П2 и П1.

¹⁶ По мнению японского исследователя А. Накадзавы, начиная с XIV в. выражение *бити челом* стало «определять и демонстрировать иерархические отношения адресанта и адресата», что отличает его от *поклона*, для которого такие коннотации были нехарактерны [Накадзава, с. 670, 677].

Важно, что в рассматриваемых известиях никакой апелляции к заключенным ранее договорам или ссылки на нарушение каких-либо формальных условий нет ни в одном из вариантов. Как не говорится и об условиях этого примирения. Это можно объяснить тем, что отношения Пскова и Новгорода в это время все еще определялись давними политическими связями (в частности, новгородско-псковским «братством» и епархиальным единством), в рамках которых еще не было необходимости оформления отношений в письменном виде с конкретными условиями. Это обстоятельство способствовало тому, что центральным историографическим сюжетом применительно к договорным отношениям между Новгородом и Псковом стал так называемый «Болотовский договор»: с ним традиционно связывается обретение Псковом «независимости». Неполный текст этого документа сохранился в летописных рассказах: о нем сообщают летописи НСГ в известиях за 1348 г., тогда как псковские летописи и НПЛ мл. не содержат о нем никаких упоминаний. Помимо того, что текст «жалования» (так этот «договор» называется в летописях НСГ), как убедительно показала Т. В. Круглова, стоит рассматривать в качестве жалованной грамоты (а не договорной) [Круглова]¹⁷, в самом известии нет никаких слов и выражений, обычно указывающих на заключение договора. В частности, не упоминаются *послы, крестоцелование, dokonчание* а также сам *миръ* и какие-либо производные от него слова. Согласно этому «жалованию», псковичи получали от Новгорода право на местный суд без участия новгородцев, освобождаясь от присутствия в Пскове новгородских посадников и владычных наместников¹⁸. Примечательно, что «жалование» упоминается в НСГ в связи с упреком псковичам в неказании ими военной помощи новгородцам против шведских войск под Орешком. Несмотря на то что Андрей Ольгердович все еще оставался псковским князем, а псковичи проводили вполне самостоятельную политику в отношении своих западных соседей, «Болотовское жалование» говорит о более высоком статусе Новгорода относительно Пскова, без чего сама возможность подобного «жалования» сложно было бы себе представить: условия «жалования», которое новгородцы *дают* псковичам, – односторонние, а не двусторонние. Кроме того, вряд ли возможно одновременное сосуществование подобного «жалования», отражающего неравенство сторон, и договоров, демонстрирующих равный статус политических субъектов. Тем не менее «Болотовское жалование» важно с точки зрения процесса формализации новгородско-псковских отношений, так как это первый известный текст некоего акта, в котором каким-то образом определялись бы отношения двух городов.

В этом смысле примечательны известия 1367 г. в НПЛ мл., где сначала сообщается о несогласии и нарушении мира Новгорода с Псковом и неудачных переговорах («не бѣше по словици псковичамъ с Новымъгородом» [ПСРА, т. 3, с. 369]), а затем говорится о нападении немцев на псковские земли и обращении в связи с этим псковичей к новгородцам за помощью со словами: «Господо братье, како печалуетесь нами, своею братьею». Новгородцы же, сославшись на крестоцелование «Новугороду с нѣмци», псковичам в помощи отказали [ПСРА, т. 3, с. 370]. Не вдаваясь в подробности этих неясных обстоятельств (о каком-либо предшествующем этим известиям конфликте между новгородцами и псковичами летописи не сообщают), стоит заметить, что отсутствие мира и политического согласия между Псковом и Новгородом, судя по всему, не снимало с городов обязательств взаимопомощи. Поэтому и отказ новгородцев в помощи объясняется не отсутствием мира с Псковом, а обязательствами перед немецкой стороной. Вскоре примирение между Новгородом и Псковом все же было достигнуто. НПЛ мл. сообщает, как уже в январе 1368 г. архиепископ Алексей в ответ на псковское челобитье отправил новгородский клир освящать в Пскове Троицкий собор. В НСГ прямо говорится, что

¹⁷ Некоторые исследователи до сих пор пишут о «Болотовском договоре» без оговорок (см.: [Петрова 2020]).

¹⁸ «Посадникомъ нашимъ у васъ въ Пльсковѣ не быти, ни судити, а от владыцѣ судити вашему брату пльсковитину» (ср.: [ПСРА, т. 4, ч. 1, с. 278; т. 6, вып. 1, стб. 422; т. 42, с. 128]).

«того же лѣта взяша новгородци съ псковичи одиначество» и что уже в следующем году Новгород окажет военную помощь Пскову под Изборском [ПСРА, т. 42, с. 133; т. 4, ч. 1, с. 294]. Выражение «взяша... одиначество» не сопровождается словами, указывающими на заключение договора, поэтому их следует понимать так, что новгородцы с псковичами просто пришли к согласию и единению [Срезневский, стб. 615], то есть в качестве акта примирения, которое вполне могло сопровождаться одним лишь целованием креста, без оформления письменного договора.

На фоне рассмотренных выше случаев заметно выделяются известия о заключении так называемого Солецкого мира 1390 г., упоминаемого не только в НСГ и НПЛ мл., но и в псковских летописях, что, безусловно, говорит о значении, которое придавали этому событию летописцы обоих городов. Заключение Солецкого мира сопровождалось оформлением самого раннего известного письменного новгородско-псковского договора. Несмотря на то что разногласия между псковичами и новгородцами возникали уже с XII в., Новгороду с Псковом удавалось долгое время избегать прямых военных конфликтов между собой. Однако именно Солецкий мир был заключен в результате первого серьезного конфликта, когда новгородский служилый князь Семен-Лугвень Ольгердович ходил с новгородцами «на пскович ратью» [ПСРА, т. 6, вып. 1, стб. 508]. Об исключительности этого события говорит и то, что в известиях псковских летописей, связанных с псковско-новгородскими отношениями, впервые употребляются такие слова, как *немиръе* и *рагоза* [ПСРА, т. 5, вып. 1, с. 24; т. 5, вып. 2, с. 29, 107], то есть вражда [СДРЯ, т. 9, с. 455]. Немаловажно и то, что упоминания мира 1390 г., в отличие от рассмотренных ранее случаев, не связаны с темой взаимопомощи городов. Хотя поводов к конфликту ни одна летопись не приводит, инициатива в конфликте принадлежала Новгороду, отправившему войска к Пскову.

Известия о мире 1390 г. ограничиваются в основном краткими сообщениями о том, что псковичи встретили новгородцев «в Солци», где и был заключен мир. В отличие от известий о «Болотовском жаловании», здесь в летописях прямо упоминаются такие выражения, как *докончаша миръ, взяша миръ и кончаша миръ*. Псковские летописи, хотя и сообщают имена псковских послов, не упоминают условий мира. О заключении в псковских летописях лишь сказано: «и взяша миръ, и воротишася новгородци от Солци» [ПСРА, т. 5, вып. 2, с. 107]¹⁹. В то же время в НСГ цитируется фрагмент договорной грамоты: «кончаша миръ, за должникъ и за холопъ, и за робу, кто в путь ходилъ за Волгу, не стояти псковичемъ, но выдавати их» [ПСРА, т. 6, вып. 1, стб. 508].

Что означают указанные условия? в многочисленных договорных грамотах Новгорода с князьями со второй половины XIII в.²⁰, а также в большинстве межкняжеских договоров²¹ регулярно оговаривались действия одной стороны по отношению к различным категориям лиц, сбежавших в чужую «волость», совершивших преступления или имеющих имущественные обязательства перед другой стороной. Условия могли различаться, но главным отличием договоров было наличие или отсутствие права одной стороны судить названные категории лиц другой стороны. В договорах либо оговаривалось, что «холопы, и должники, и поручники» должны быть выданы другой стороне после предварительного судебного разбирательства («по исправъ»)²², либо о выдаче говорилось без упоминания «исправы», а в случае, если указанные лица пытались наговаривать на своего господина («вадати на госпуду»), то им должно было

¹⁹ Близкий текст читается и в П2. При этом упоминание заключения мира полностью отсутствует в П1.

²⁰ См. грамоты: [ГВНП 2025, № 10, 81, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 100, 104, 111, 112, 113, 114, 123, 125].

²¹ См. грамоты: [ДДГ, № 9, 10, 19, 24, 30, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 43, 48, 53, 54, 55, 59, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 82, 83, 84].

²² См. грамоты: [ГВНП 2025, № 83, 84, 91, 92, 112, 113].

быть отказано в суде («вѣры не яти»)²³. По мнению В. А. Кучкина, стороны таким образом «максимально упрощали» розыск подобных лиц и договаривались «не укрывать и не осложнять их обнаружение и выдачу заинтересованной стороне» [Кучкин 2003, с. 207]. Упоминание подобного условия в Солецком договоре важно тем, что оно может говорить о возникновении к этому времени псковско-новгородского рубежа, разграничивающего юрисдикции обоих городов. По-видимому, псковичи укрывали разыскиваемых новгородцами лиц, в частности ушкуйников, совершавших разбойничьи походы вниз по Волге, чьи действия неоднократно приводили к конфликтам Новгорода с великими князьями Дмитрием Ивановичем и Василием Дмитриевичем [ПСРА, т. 3, с. 369; т. 4, ч. 1, с. 373–374].

Хотя, как говорилось выше, схожие условия упоминаются в новгородско-княжеских грамотах уже со второй половины XIII в., сама формула «за должникъ и за холопъ, и за робу» встречается в договорных грамотах лишь с 1370-х гг. Приводимый в НСГ фрагмент Солецкого договора схож со статьей договора, заключенного между Новгородом и Михаилом Александровичем Тверским в 1375 г.: «а за холоп, за робу, за поручник, за должник, за татя не стояти, с обѣ половинѣ не стояти» [ГВНП 2025, с. 249]. Текстуально близкая статья находится и в договоре Михаила Александровича с Дмитрием Ивановичем, Владимиром Андреевичем и Новгородом, заключенном от имени великого князя в том же 1375 г. [ДДГ, с. 27]. Это говорит о том, что формуляр договора, на который опирается Солецкий договор, вряд ли возник ранее второй половины XIV в.

В отличие от упомянутых новгородско-княжеских договоров 1370-х гг., в Солецком договоре о взаимных обязательствах двух сторон речи не идет. В приведенной в НСГ статье обязательства возлагаются только на Псков, который должен был «не стояти» за разыскиваемых Новгородом лиц и выдавать «их новгородцемъ». Односторонний характер условий объясняется тем, что мир был заключен под военным давлением Новгорода и, таким образом, на новгородских условиях.

Солецкий договор говорит о высокой степени формализации новгородско-псковских отношений, которые теперь стало необходимо оформлять письменно, оговаривая различные условия. Вместе с тем этот договор свидетельствует о накоплении серьезных противоречий в новгородско-псковских отношениях и их сильной неустойчивости. Мир 1390 г. оказался непрочным и был нарушен уже в 1394 г. [ПСРА, т. 5, вып. 2, с. 107; т. 3, с. 386], после чего достигнуть мира оба города снова смогли лишь в 1397 г., при посредничестве новгородского архиепископа Иоанна [ПСРА, т. 3, с. 388–389]. Вместе с тем представляется, что упоминание первого прямого военного конфликта между Новгородом и Псковом совершенно неслучайно совпадает с появлением на страницах летописей первого известного фрагмента новгородско-псковской договорной грамоты.

Время, когда разногласия и конфликты понимались как нечто противоестественное для отношений псковичей и новгородцев, прошло. С конца XIV в. мир и единство двух городов уже достигаются и гарантируются посредством заключения письменных договоров, а не представлениями о епархиальном единстве или «братстве» псковичей и новгородцев.

²³ См. грамоты: [ГВНП 2025, № 81, 85, 86, 88, 89, 93, 100, 111, 114, 123].

Источники

- ГВНП. М.; Л., 1949. 408 с.
ГВНП. М., 2025. Т. 1. 856 с.
ДДГ. М.; Л., 1950. 585, [1] с., [2] л. табл.
ПСРА. М., 2000. Т. 3. XI, 692 с., [5] л. ил.; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. XXXVIII, 686, [1] с. разд. паг.; М., 2003. Т. 5. Вып. 1. 146, [1] с.; М., 2000. Т. 5. Вып. 2. 363, [1] с.; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. VIII, 581 с.; М., 2000. Т. 15. XVIII, 540 с.; СПб., 2002. Т. 42. 221, [1] с.
РЛА – Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. 462 с.
СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. 4. 559 с.; М., 2012. Т. 9. 480 с.
Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. 543 с.
Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т. 2. Ч. 1. 852 стб., [15] с.
ARLS – Akten und Recesse der livländischen Ständetage / Hg. von O. Stavenhagen. Riga, 1907. Bd. 1. Lfg. 1. 128 S.
Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedimino laiškai / Par. S. C. Rowell. Vilnius, 2003. 480 p.
HUB – Hansisches Urkundenbuch / Bearb. K. Höhlbaum. Halle, 1879. Bd. 2. 396 S.
LECUB – Liv-, est- und Curländisches Urkundenbuch / Hg. von F. G. v. Bunge. Reval, 1855. Abt. 1. Bd. 2. 830 S.
SRP – Scriptorum rerum Prussicarum / Hg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. Leipzig, 1861. Bd. 1. 818 S.

Литература

- Беляев И. Д. Рассказы из Русской истории: история города Пскова и Псковской земли. М., 1867. Т. 3. 443 с.
Валеров А. В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. 315 с.
Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. 398 с.
Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. 136 с.
Казакова Н. А. Новгородско-немецкие договоры или ливонские акты? // НИС. Л., 1989. № 3 (13). С. 63–67.
Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 145–152.
Круглова Т. В. «Болотовский договор»: тип утраченного акта с точки зрения дипломатики // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. СПб., 2011. С. 34–50.
Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 365–384.
Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. 367 с.
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. 283 с.
Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // ТОДРА. СПб., 2016. Т. 64. С. 653–677.
Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРА. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 9–44.
Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1879. 344 с.
Петрова Н. А. К вопросу о датировке Болотовского договора // Российская история. 2020. № 4. С. 64–70. DOI 10.31857/S086956870010772-0
Петрова Н. А. «День Святого Креста»: к вопросу о дате заключения ливонско-новгородского союза 1323 г. // Палеороссия: Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 64–70. DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_64
Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. М., 1918. 463 с.
Проскуракова Г. В., Лабутина И. К. Псковская феодальная вечевая республика: начало союза с Московским великим княжеством // Псков: Очерки истории. Л., 1971. С. 32–53.

- Селарт А. Роль Пскова в внутриливонской войне конца XIII – начала XIV в. // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция. М., 2003. Т. 1. С. 173–179.
- Тараканова С. А. Древний Псков. М.; Л., 1946. 54 с.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. 477 с.
- Толстой М. В. Святъни и древности Пскова. М., 1861. 174 с.
- Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. М., 1987. 175 с.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. 384 с.
- Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.
- Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert // Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa. Wiesbaden, 1975. Bd. 10. 240 S.
- Pickhan G. Gospodin Pskov: Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrussland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1992. Bd. 47. 364 S.
- Rowell S. C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire Within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. 375 p.

References

- Belyaev, I. D. Rasskazy iz Russkoi istorii: istoriya goroda Pskova i Pskovskoi zemli. Moscow, 1867. Vol. 3. 443 p. (In Russ.)
- Grabmüller, H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. In *Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa*. Wiesbaden, 1975. Bd. 10. 240 S.
- Kafengauz, B. B. Drevnii Pskov. Ocherki po istorii feodal'noi respubliki. Moscow, 1969. 136 p. (In Russ.)
- Kazakova, N. A. Novgorodsko-nemetskie dogovory ili livonskie акты? In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Leningrad, 1989. No. 3 (13). Pp. 63–67. (In Russ.)
- Kolotilova, S. I. K voprosu o polozhenii Pskova v sostave Novgorodskoi feodal'noi respubliki. In *Istoriya USSR*. 1975. No. 2. Pp. 145–152. (In Russ.)
- Kruglova, T. V. “Bolotovskii dogovor”: tip utrachenogo akta s tochki zreniya diplomatiki. In *Pskov, russkie zemli i Vostochnaya Evropa v XV–XVII vv. K 500-letiyu vkhozhdeniya Pskova v sostav edinogo Russkogo gosudarstva*. Saint Petersburg, 2011. Pp. 34–50. (In Russ.)
- Kuchkin, V. A. Iz istorii genealogicheskikh i politicheskikh svyazei moskovskogo knyazheskogo doma v XIV v. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1974. Vol. 94. Pp. 365–384. (In Russ.)
- Kuchkin, V. A. Dogovornye gramoty moskovskikh knyazei XIV veka: vneshnepoliticheskie dogovory. Moscow, 2003. 367 p. (In Russ.)
- Lur'e, Ya. S. Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. Leningrad, 1976. 283 p. (In Russ.)
- Nakadzava, A. K probleme proiskhozhdeniya i evolyutsii etiketnykh formul “poklon” i “chelobit'e” v Drevnei Rusi. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2016. Vol. 64. Pp. 653–677. (In Russ.)
- Nasonov, A. N. Iz istorii pskovskogo letopisaniya. In *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow, 2003. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 9–44. (In Russ.)
- Nikitskii, A. I. Ocherk vnutrennei istorii Pskova. Saint Petersburg, 1879. 344 p. (In Russ.)
- Petrova, N. A. K voprosu o datirovke Bolotovskogo dogovora. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 64–70. DOI 10.31857/S086956870010772-0 (In Russ.)
- Petrova, N. A. “Den' Svyatogo Kresta”: k voprosu o date zaklyucheniya livonsko-novgorodskogo soyuza 1323 g. In *Paleososiya: Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2022. No. 4 (20). Pp. 64–70. DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_64 (In Russ.)
- Pickhan, G. Gospodin Pskov: Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrussland. In *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1992. Bd. 47. 364 S.
- Presnyakov, A. E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XIII–XV stoletii. Moscow, 1918. 463 p. (In Russ.)
- Proskuryakova, G. V., Labutina, I. K. Pskovskaya feodal'naya vechevaya respublika: nachalo soyuza s Moskovskim velikim knyazhestvom. In *Pskov: Ocherki istorii*. Leningrad, 1971. Pp. 32–53. (In Russ.)
- Rowell, S. C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire Within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. 375 p.
- Selart, A. Rol' Pskova v vnutrilivonskoi voine kontsa XIII – nachala XIV v. In *Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Moscow, 2003. Vol. 1. Pp. 173–179. (In Russ.)
- Shaskol'skii, I. P. Bor'ba Rusi za sokhranenie vykhoda k Baltiiskomu moryu v XIV v. Moscow, 1987. 175 p. (In Russ.)

- Tarakanova, S. A. *Drevnii Pskov*. Moscow; Leningrad, 1946. 54 p. (In Russ.)
Tikhomirov, M. N. *Drevnerusskie goroda*. Moscow, 1956. 477 p. (In Russ.)
Tolstoi, M. V. *Svyatyni i drevnosti Pskova*. Moscow, 1861. 174 p. (In Russ.)
Valerov, A. V. *Novgorod i Pskov: ocherki politicheskoi istorii Severo-Zapadnoi Rusi XI–XIV vekov*. Saint Petersburg, 2004. 315 p. (In Russ.)
Vovin, A. A. *Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI v.* Saint Petersburg, 2019. 398 p. (In Russ.)
Yanin, V. L. *Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii*. Moscow, 1990. 384 p. (In Russ.)
Yanin, V. L. “Bolotovskii” dogovor o vzaimootnosheniyakh Novgoroda i Pskova v XII–XIV vekakh. In *Otechestvennaya istoriya*. 1992. No. 6. Pp. 3–14. (In Russ.)

Grigoriy I. Fokin

European University of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

GENESIS OF THE CONTRACTUAL RELATIONSHIP BETWEEN NOVGOROD AND PSKOV

The article examines the relations between Novgorod and Pskov in the 14th century. It argues that the emergence of contractual relations was associated with the growth of Pskov's political subjectivity. The making of peace between Novgorod and Pskov is first explicitly mentioned in the chronicles under the year 1329, while in 1331 the Novgorod-Pskov cross-kissing oath is attested. For a long time, relations between the two polities remained informal and did not require formalization in written agreements. The necessity of concluding written treaties arose only in the context of direct confrontation between Novgorod and Pskov at the end of the fourteenth century, when the first known Novgorod-Pskov treaty was concluded in 1390.

Keywords: Novgorod the Great, Pskov, Russian chronicles, charters, political history